

Мурат АУЭЗОВ

О ГАДИЛЬБЕКЕ И МОИХ ДРУЗЬЯХ

Мне выпала настоящая радость человеческая иметь немного, двух-трех людей, которых я изначально и пожизненно мог называть друзьями. Друзья – это те, кого я принимаю всей душой и разумом.

С Гадильбеком удивительно: мой брат Булат нас просто свел. Булат работал на телевидении, и среди сотрудников, которые ему понравились по-человечески, был Гадильбек. И Булат сказал ему и сказал мне, что мы должны подружиться и быть вместе. Это было настолько необычно. Ну и с тех пор – это был 1970 или 1971 год – пошла добрая, ни одним разочарованием друг в друге не омраченная дружба с Гадильбеком.

Он – романтик. Я знаю нескольких человек, о которых можно сказать: они – романтики. Не буду называть имена, но некоторые романтики лелеяли в себе романтизм, не сообщая ему никакой энергии для преобразования среды. Такой тип романтиков, которые только верили, но ничего не делали. А Гадильбек всю жизнь – с кажущейся простотой – был деятелем. У него две особенности были, ярко ему присущие. Это неутомимая тяга к новизне. Это поразительно, не знаю, определяется ли это обстоятельствами жизни. Новизна обладала для него необыкновенной притягательной силой, которой он не мог противостоять. И он шел всё время ей навстречу. Просто это свойство человека, который отвечает на вопросы, которые ставит перед ним жизнь.

Так он реализовал свой романтизм. У него возникали всегда новые и новые идеи. Его очарованность новизной была постоянной, причем он должен был до неё дотронуться, он должен был её осуществить.

И у него была необыкновенная работоспособность.

Внешне он казался таким легким, был худощав, поражал легкостью своих движений. Однажды, когда мы с ребятами поднялись в горы, он сказал: «Пойду пробежусь немного», и вскоре мы увидели его прямо на гребне склона. Он легко так возносился вверх, как будто поддуваемый ветерком, как будто он был невесом. Там была его стихия – вершина горы – небо, которые его манили. И абсолютно не было ощущения, что он прилагает усилие, чтобы подняться, он просто бежал вверх.

Он великолепно танцевал, у него это великолепно получалось – длинные ноги, длинные руки. Иногда это были веселые и смешные танцы, но ими он передавал свое внутреннее состояние. Внешне он был сдержанным, но в студенчестве участвовал в соревнованиях по подъему штанги. И я узнал, что при всей нерельефности мышц он был необыкновенно сильным. И о нем в целом можно было сказать, что он обладал необыкновенной внутренней силой.

Его романтизм отличался дееспособностью и претворяющей силой. Он менял окружающий мир своими идеями. Одна из них – создание телекомпании «Мир». Его гуманизм и общее человеколюбие в этой идее сказались как нельзя лучше. И это было так своевременно! Он научился очень ясно и привлекательно формулировать, – и тогда, в масштабах всего разваливающегося Союза, эта идея пришлась ко двору и получила поддержку одного, другого

президентов, и в Москве он создал нечто небывалое – телекомпанию «Мир», которая стала тогда таким светлым штрихом во всём этом мрачающем мире.

Нам довелось провести много времени вместе в ближних и дальних поездках, на самых разных мероприятиях, во встречах с друзьями. Гадильбек был моим близким другом, добрым, деятельным, светоносным.

Он приглашал меня часто для участия в семинарах формирующейся телекомпании, на открытие филиала в Азербайджане с участием Гейдара Алиева, который оказался изумительным оратором. И я видел, как замечательно выступал Гадильбек, как убедительно он мог говорить о своей работе. Его слова располагали и давали собеседнику ощущение правды. Он был прекрасным интервьюером и беседовал с очень известными людьми из разных стран мира. Он быстро и легко получил признание как очень содержательный телеведущий великолепных передач. Телекомпания «Мир» стала на какое-то время пристанищем для надежды, которая уходила из душ, сознания людей того времени, – очень теплые передачи.

Еще одно свойство Гадильбека – неограниченность во всём. Эта новизна тянула его в новые выси и в то же время сообщала ему новые качества... В Москве он получил небывало высокую позицию – президент телекомпании «Мир» с участием молодых новых независимых государств. И он решил в рамках деятельности «Мира» подготовить многотомное издание Льва Николаевича Гумилева – гения с чрезвычайно важными для нас теориями пассионарности и истории древних тюрков, который был предан забвению официозом. Он издал также сборники талантливых поэтов и поддержал издание трудов Георгия Гачева, тоже гения, признанного гуманитариями философа, но не поддержанного официозом. Это примеры того, как действующий романтик не мог быть иным как творцом добра бесконечно.

А по нашей жизни – это всё время его искрящийся хороший юмор. Причем юмор это такая вещь, – я знал многих людей, одаренных юмором злым, это несчастье. А у Гадильбека юмор был неизменно добрым и светлым.

В то время, когда Гадильбек стал министром, мы с некоторыми из друзей были гонимы. В моей однокомнатной квартире на Весновке мы собиравались – туда приходил Аскар Сулейменов с домброй, Макум, Калжан, все наши кенты, пили вино, беседовали. И тут появляется Гадильбек, сбрасывает свой министерский пиджак, садится с нами на текемет с подушками, играет в шахматы, хохмит, с неизменной добротой. Вообще, он сделал много добра для многих людей.

Он хорошо играл в шахматы, любил играть в карты. Но когда он играл в карты, друзья с легкой руки Аскара Сулейменова называли его майшельпек, то есть «жертва», – он проигрывал, играл с азартом, но рисковал и не стремился на самом деле победить.

Когда мы только познакомились, он называл себя Володя. Но позже, наверное, под влиянием нашего такого патриотического казахского общения он всё чаще называл себя Гадильбек. Он сам привыкал к этому имени, мы к

Слева направо: Салихитдин Айтбаев, Макум Кисамединов, Гадильбек Шалахметов, Ленарт Мэри (Эстония), Мурат Ауэзов, Тимур Сулейменов, Сатимжан Санбаев

нему привыкали. И потом он начал овладевать казахским языком. Вообще, поразительно было, как несколько моих друзей стали возвращенцами в казахский язык. У каждого был свой путь. Каракулов Булат через казахские песни в казахский язык возвращался, а у Гадильбека была своя интересная, атакующая манера. Он, когда набиралось определенное количество казахских слов у него, начинал, несмотря на ошибки, на то, что кто-то смеялся, просто говорить. Ему на всё наплевать. Он говорил, говорил, как бы перемалывал эти новые для себя слова. И такая стратегия работала, плоды принесла. По-другому нельзя было за доброе дело бороться.

Мы тогда много ездили в экспедиции – с Маратом Сембиным каждый год. Но была одна на самом деле великая экспедиция «Каспий – нефть и культура». Гадильбек стал к тому времени признанным человеком. Его документальный фильм «Испытание», сделанный вместе с Мариной Голдовской, получил премию Ленинского комсомола. Этот фильм принес Гадильбеку большое признание. Он был о нефтяниках на Каспии. И вот мы как-то сидели на кошмах, пили вино и придумали: а что бы нам не поехать в эти края? Там много интересного. И всё, было решено: мы затеяли эту экспедицию, и он связался с акимами областей Западного Казахстана, получил их поддержку. Мы были хорошо оснащены, был хороший транспорт. Мы прошли и Мангышлак, и Уральскую область, вдоль побережья Каспия, там видели остров Чистая Банка – его малую родину. Потом у нас оказалось огромное количество материала, впечатлений об этой поездке, позже они были изданы. Мы были единомышленниками. Тогда ведь таких проектов и не было. Это была не государственная поездка, сами собрались и поехали. Когда мы вместе брались за общее дело, он всегда исполнял взятые на себя функции очень здорово.

Ну и потом – полно таких идей, фантазий, хохм, историй, – они превращались в живые легенды. Вот история о том, как Назарбаев меня как бы обнаружил и привлек для рабочей деятельности.

Гадильбек был одно время советником, помощником Назарбаева. Ну и у них возникла перспектива поехать в Китай. В первый раз в таком новом качестве, – тогда, может быть, он был еще премьером, не помню точно. Что делать? «Кто у нас может и по-казахски и по-китайски?» Гадильбек говорит: «А есть же у нас Мурат». – «Кто такой?» Он сказал. А мы в то время были гонимые. Я уехал на рыбалку очередную. В низовье Балхаша. Абыкаев и другие подключились к тому, чтобы срочно найти меня. Назавтра самолет вылетает в Китай. И они меня оттуда извлекли, привезли. У меня ни костюма, ничего такого нет. Я собрался, утром в самолет. Там Назарбаев и все, полетели в Урумчи. Первый день поселились в гостинице, пошли в большой универсам. И там Назарбаев купил мне великолепный дорожный чемодан. «Мурату предстоят поездки большие. Вот ему мой подарок», деп берді. Кое-что там из одежды было. Очень было приятно. А я весь загорелый после рыбалки с ним рядом. И тогда уже начались встречи. У меня был китайский очень приличный, и тогда я ему переводил. Мы встречались с казахами Урумчи. Тогда был период обаятельного вхождения Назарбаева в большой социум. У него великолепная память, очень хорошо говорит и хорошо, приятно поет. И тогда был уйгур во главе Урумчи, и они вдвоем – тот уйгур, этот казах – пели. Было приятно очень. И всё, с тех пор я оказался в поле зрения его администрации.

Вскоре я стал депутатом, – без его участия. Шли выборы, и это был самый демократический парламент – в начале 1990-х. Помню, я шел от профсоюзов, и там была такая история, тоже с Гадильбеком связанная. Его сестра Светлана работала в то время в Казсовпрофе, и она нам – мне и Сатимжану, как друзьям Гадильбека, сказала, что есть место от профсоюзов, есть шанс пройти в депутаты. Я в то время создал коллегия по художественному переводу. Я был председателем, а заместителями моими были Сатимжан Санбаев и Акселеу Сейдимбеков. Очень сильная была коллегия. Мы собрались, я сказал, что есть возможность баллотироваться. «Давайте решать, кто от нас хотел бы участвовать». Жараскан Абдрашев сразу сказал, что он хотел бы. Акселеу и Сатимжан тоже выразили желание. Обсудили, и получилось, что мнения сгустились вокруг двух имен: моего и Сатимжана. Я предложил: «Давайте прямо здесь сейчас решим. Пойдем, бросим монетку». И вся наша заинтригованная коллегия на первом этаже Союза писателей пошла с нами к окну, которое выходило на юг. И там с Сатимжаном договорились: на кого выпадет, тот идет баллотироваться, а другой будет ему помогать. По рукам – по рукам! Бросили монету – выпала на меня. И всё!

Сатимжан очень добросовестно поддерживал. Помощником депутата у меня был тогда Бахытжан Канапьянов, и мы пошли на эти выборы через профсоюзы. Там нужно было еще пройти через все собрания. Профсоюз, конечно, выдвигал своих людей, в своих интересах. И получилось странном образом. Хотя у меня всё шло, казалось бы, к тому, чтобы пройти этот отбор, когда подсчитали, мне не хватило голосов. Ну я подумал: не судьба – ничего страшного! Но прямо там на трибуну вышел один человек и сказал: «Что же такое, Мурат Ауэзов не прошел! Он же один из лидеров антиядерного движения! А тут многие просто участвовавшие в этом движении засчитывают это себе в актив, как же так!» Потом выступил Санжар Джандосов, совершенно для меня неожиданно. Он сказал: «Что мы делаем?! Это же один из самых ярких умов нашей сегодняшней интеллигенции». И было внесено предложение переголосовать. После нового голосования я прошел туда без всяких вопросов. И потом началась новая совершенно страница моей жизни, когда я стал депутатом.

В качестве депутата я вместе с несколькими другими членами парламента не раз высказывал критику, и нас воспринимали как оппозицию Назарбае-

ву. Он же такой хитроумный, дальновидный. Он был встревожен, собрал нас, пять-шесть человек оппонентов, провел с нами беседу. Со мной надо было что-то делать, и тогда обозначилась позиция первого посла Казахстана в Китае. Абыкаев сообщил мне, что было принято решение отправить меня туда послом. Это был 1992 год, и до 1995-го я был там.

Когда я приезжал в Москву, постоянно у Гадильбека останавливался. И в Астане иногда: там у него была прекрасная квартира. Ну и все последующие годы мы не расставались. Он участвовал в «Беседах на Шелковом пути» и в других моих проектах.

У меня один за другим уходили друзья: Каракулов Булат скончался (в 2014), Тимур Сулейменов (в 2018), Сатимжан (в 2013), до этого Болатхан ушел (в 2007), Калжан (в 1994), Аскар Сулейменов (в 1992), Макум (в 1984). А Гадильбек – до последнего мы с ним были. И все они своим талантом служили своему народу. И вот, пожалуй, это главное качество его: очень креативный романтик, результативный романтик, это важно.

Посвящается Мурату Ауэзову

Две соседних горы – Ауэзовы,
Две вершины – Мухтар и Мурат,
Из какого такого железа вы,
Что о вас сквозь века говорят?

Что железо? Забава для лучников,
Пробивающих светом из тьмы.
Стать Муратом – надеждой на лучшее
И Мухтара, и Фатимы.

Век двадцатый –
байга не для умников,
Нас осталось немного в пути,

Впереди – ясный свет,
жар полуденный,
Дым костров, полутьма позади.

Я всё меньше сейчас беспокоюсь,
У казахов теперь говорят:
Есть и нефть,
Есть и хан,
Есть и совесть...
И её называют Мурат.

Гадильбек Шалахметов

Народ Казахстана, творческая интеллигенция страны понесли невосполнимую утрату: на 82 году жизни ушел выдающийся культуролог, мыслитель, общественный деятель Мурат Мухтарович АУЭЗОВ. Еще буквально год назад к его 80-летию журнал «Простор» опубликовал Дневники Мурата Ауэзова 1970-х годов «Уйти, чтобы вернуться» – великолепную эссеистику тридцатилетнего молодого человека, чья жизнь, словно стрела, была устремлена к одной цели – служению независимости и суверенитету, духовному и культурному, своего народа. И этот путь, отмечающий какие бы то ни было уступки и договоренности с судьбой ли, с властью ли, – путь горения и самоотречения – не есть ли сегодня пример для всех, кому дорого будущее нового Казахстана? И последнюю свою статью для «Простора» «О Гадильбеке и моих друзьях» Мурат Мухтарович продиктовал Зифе Муратовне буквально в последние дни своей жизни, прощаясь со своими друзьями и со всеми нами. Редакция журнала «Простор» скорбит в связи с постигшей нас горькой утратой, выражает соболезнование всем родным, близким, друзьям и напоминает об ауэзовском завете, связующем времена: давайте учиться наследованию. Пусть творческое наследие Мурата Мухтаровича Ауэзова будет живым, повседневно востребованным и действенным!